

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В НОРМАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

И. Г. Приходько

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев (Украина)

Resumen

El presente artículo trata sobre una de las fuentes de enriquecimiento del vocabulario de la lengua rusa standard, es decir, de la jerga. Se describen los grupos semánticos de palabras que pasan de la jerga juvenil a la lengua standard; se exponen las condiciones y el mecanismo de cómo la lengua standard absorbe los elementos de la jerga juvenil.

Palabras clave: sociolecto, jerga juvenil, lengua standard.

Abstract

The present article deals with one of the sources of the enrichment of modern Russian standard language vocabulary, i.e. slang. The semantic groups of words that make transition from the youth slang to the standard language are described; the conditions and the mechanism of the standard language absorbing the elements of the youth slang are postulated.

Key-words: sociolect, youth slang, standard language.

Начало 90-х гг. XX века ознаменовалось процессом, суть которого заключалась в том, что целый пласт нестандартной лексики, ранее использовавшейся при общении только членами социально ограниченных групп, вышел за рамки привычного употребления и хлынул в речь самых широких слоев населения. Такое масштабное продвижение субстандартной лексики с периферии языковой системы в другие области национального языка, более близкие литературному стандарту, позволило авторитетным лингвистам говорить об арготизации (или жаргонизации) языка как одной из доминант его развития на современном этапе (Береговская 1996; Грачев 1997; Складаревская 2000; Стернин 2004). Проникновение сленговых слов во многие сферы общественной жизни (публицистику, политические дебаты, средства массовой информации, литературу), фиксация их отдельных элементов в нормативных словарях (Ожегов, Шведова 1999; Складаревская 1998) вызывает необходимость исследования механизмов и особенностей взаимодействия литературного языка с внелитературными сферами речи.

В русском языкознании особую актуальность приобретает изучение общих закономерностей и тенденций функционирования разнообразных жаргонов, арготизации (Грачев 1997), общего сленга (Гордиенко 2006; Кудрявцева 2001, 2004). Исследование функционирования молодежных сленгизмов (за исключением некоторых наблюдений Э. М. Береговской) осталось вне внимания ученых. Между тем именно сленг молодежи является наиболее функционально активным и социально значимым в современном русском языке: им пользуются многочисленные социальные группы (студенты, рабочие, военные и т. д.), отдельные его элементы достаточно широко представлены в художественной литературе и используются в речи интеллигенции в качестве экспрессивных языковых средств. Именно поэтому значительный интерес представляет изучение функционирования молодежных сленговых слов вне сферы их традиционного употребления. В нашей статье мы остановимся на анализе единиц молодежного сленга, которые перешли в литературный язык.

Процесс перехода социально или профессионально ограниченной лексики в общелитературный язык происходит по следующей схеме: жаргон (арготизация, специальный сленг) – общий сленг – просторечие – литературный разговорный язык (Скворцов 1977: 35; Грачев 1997: 164; Кудрявцева, 2001: 6). Вхождение сленгового слова в общее употребление происходит двумя путями: 1) постепенное усвоение сленгового

слова разговорной речью, нейтрализация во времени при движении к литературной речи; 2) усвоение слов и выражений из общего сленга, когда нейтрализация происходит до их выхода в общую речь. В первом случае сленговое слово переходит в просторечие (и далее в разговорный литературный язык) непосредственно из арг, жаргона, специального сленга. При этом слово может как полностью сохранять свое первоначальное значение, так и изменять его в связи с новым употреблением. Во втором случае переход происходит либо через бижаргонную лексику, либо через лексику общего сленга (интержаргонную) (Грачов 1997: 164; Скворцов 1977: 35). Например, *кинуть* в молодежном сленге употребляется в следующих значениях 1) 'украсть, отобрать что-л.', 2) 'обмануть, смошенничать (обычно при заключении сделки)', 3) 'взять у кого-л. что-л. и не вернуть', 4) 'не сдержать обещание, подвести кого-л.' (Никитина 2003: 255). В общий сленг сленгизм переходит с двумя значениями: 1) 'обманым путем выманить деньги' (*В числе тех, кого умело «кинул» гендиректор, оказалась даже редакция одной из местных газет...*), 2) 'обмануть вообще' (*Так Витя себя со всех сторон обезопасил. И начал «кидать» окружающих уже по-крупному*) (Ермакова, Земская, Розина 1999: 72). В литературном разговорном языке слово употребляется в значении 'совершить мошенничество; обмануть, провести кого-л., причинить материальный ущерб' (*Стыдит Райкова было бесполезно – он не отвечал на телефонные звонки прежних своих знакомых, которых так жестоко «кинул».*) (Склярская 1998: 294). В этом случае происходит нейтрализация социально маркированного слова, потеря им отнесенности к какой-либо конкретной социально ограниченной среде. Таким образом, в цепочке последовательного перехода социально или профессионально ограниченной лексики в общелитературный язык появляется новое звено: жаргон (арго, специальный сленг) – бижаргон – общий сленг – просторечие – литературный разговорный язык.

Что касается алгоритма перехода единиц молодежного сленга в общенациональный язык, то он следующий: молодежный сленг → общий сленг → разговорный литературный язык. Например, *основной* 'лидер в молодежной группировке, пользующийся привилегиями', 'представитель «элиты», выделяющийся материальным положением или умственными способностями, эрудицией' из молодежного сленга последовательно переходит сначала в общий сленг, а затем и в литературный язык, соответственно приобретая значения 'нахальный, наглый' и 'начальник, руководитель (как правило, с высоким самомнением)'.

Нормативными лингвистическими словарями («Толковым словарем русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой (далее: ТСРЯ) и «Толковым словарем русского языка конца XX века. Языковые изменения» под редакцией Г. Н. Склярской (далее: ТСРЯЯИ) зафиксировано около 190 единиц, определяемых нами как принадлежащие к сфере молодежного сленга. В ТСРЯ нами обнаружено 120 лексических единиц, которые активно функционируют в киевском молодежном сленге. Приведем в качестве иллюстраций некоторые из них: *балдеть, вертушка, выпивон, гильза, голубой, дед, дурман, жига, дурь, заливать, запариться, запарка, капать, кореш, нагружать, обжорик, отмочить, продвинутый, разборка, расколоть, стрелочник, съезжать, телега, толчок, тусовка, тусоваться* и др. В меньшей степени молодежные сленгизмы представлены в ТСРЯЯИ – 90 единиц: *байк, байкер, бритоголовый, бугор, гомик, гомосек, заложить, кидала, кинуть, качалка, комтоз, косуха, крутизна, круто, крутой, крыша, крыша едет, лимон, накрутка, облажаться, разборка, развлекаловка, салабон, самопал, сингл, сэйшн, тащиться, тусовочный, тусовщик* и др.

Исследуемые слова в ТСРЯ сопровождаются пометами «*прост.*» и «*разг.*», в ТСРЯЯИ – «*разг.*» и «*жарг.*» Г. Н. Склярская объясняет это тем, что помета «*прост.*», не выполняет своего назначения, так как, во-первых, объединяет контрастные по своим лингвистическим свойствам лексические разряды и, во-вторых,

в одном из своих аспектов сливается с пометой «разг.» (Скляревская 1994: 34). Так, в словарных разработках МАС-1 помета «прост.» объединяет 5 лексических разрядов слов: лексику, обычную в непринуждённой разговорной речи; экспрессивную разговорную лексику; полудиалектную лексику, так называемое «внелитературное просторечие»; лексику профессиональной разговорной речи; жаргонизмы (Евгеньева 1981). Поэтому в ТСРЛЯЯИ представлена попытка с помощью помет указать на сферу функционирования слов: «разг.» применяется при словах, которые употребляются лицами, владеющими литературным языком, в обстановке непринуждённого общения, как бытового, так и за пределами бытовых тем, и объединяет разговорную лексику и «литературное просторечие»; помета «жарг.» применяется при словах, употребляемых в социально обособленных группах людей.

Сопоставление указанных стилистических помет в названных выше словарях обнаруживает несовпадение маркеров: *балдеть* в ТСРЯ представлено с пометой «прост.», а в ТСРЯЯИ – с пометой «разг. сниж.», *бакс, дед, попса, разборка* – в первом как «прост.», а во втором – как «жарг.», *расколоть, челнок* – в первом как «прост.», а во втором – как «разг.», *крутой* в ТСРЯ представлено с пометой «прост.», а в ТСРЯЯИ этот сленгизм дается без каких-либо помет, *рокер* – в ТСРЯ представлено без помет, а в ТСРЯЯИ – с пометой «разг.». Такая противоречивость помет указывает на взаимодействие различных речевых сфер, результатом которого, как справедливо отметила Л. А. Кудрявцева, является «...активное проникновение социально маркированных лексических единиц в общее употребление» (Кудрявцева 2001: 7).

Среди молодежных сленгизмов, зафиксированных в нормативных филологических словарях, представлены наименования, обозначающие: человека (*байкер, бугор, жук, пофигист, рэйвер, сачок, салага, салабон, стрелочник, тусовщик, челнок, чайник*), характеристики предметов и людей (*крутой, продвинутый, рэйверский, цивильный*), выражение эмоций (*кранты, круто, лаж, люкс, труба, фигня, хана*), общение (*вешать лапу, заливать, нагружать, тащить, травить*), деньги (*баки, баксы, деревянные, зеленые, кусок, лимон*), развлечения (*тусовка, сэйшн*), состояния (*коматоз, кайф*), алкогольные напитки (*ери*), действия, связанные с дракой, скандалом (*врубить, замочить, валить*), наркотические вещества (*анаша, дурман, дурь, травка*), музыка (*вертушка, попса, сингл, фанера*), одежда (*косуха, лейба*), техника (*видак, мак, ящик*).

Зафиксированы следующие семантические типы перехода молодежных сленгизмов в просторечие:

1) Сленгизм переходит с новым значением в результате утраты или смены дифференциальных сем. Например, в молодежном сленге *вертушка* употребляется в двух значениях ‘проигрыватель’ (*Я быстро установил диск на старенькую вертушку.*) и ‘вертолет’ (*Черпаком был, когда мы дембельнули. Длинный, ушастый такой. В вертушке сгорел.*) (Никитина 2003: 72), в общем сленге помимо усвоенного без изменения семантики значения ‘проигрыватель’ (*Хочу сдать свое полено и взять нормальную вертушку.*) (Юганов, Юганова 1997: 42) было зафиксировано новое ‘специальная привилегированная правительственная связь’ (*Они, кстати, друг друга по именам называли, чудно было слушать, сидя иногда в кабинете у Министра, как он это делает по вертушке.*) (Ермакова, Земская, Розина 1999: 23). В результате семантической трансформации (утраты дифференциальных сем) в литературном языке *вертушка* обозначает всякого рода вращающиеся аппараты и приспособления (ТСРЯ, 75).

Мена дифференциальных сем приводит к следующим трансформациям значений молодежных сленгизмов при их переходе в литературный язык: *коматоз* ‘состояние сильного опьянения, тяжелого, дурманящего сна’ (*Быть в коматозе.*) (Никитина 2003: 237) приобретает значение ‘состояние упадка, полного бездействия’

(ТСРЯЯИ, 314), *продвинутый* ‘серьезно занимающийся чем-либо, знающий что-либо лучше других’ (Никитина 2003: 429) – ‘находящийся впереди, более совершенный по сравнению с другими’ (ТСРЯ, 608).

2) Сленгизм переходит без изменения семантики.

Молодежный сленгизм *пофигист* сохраняет значение ‘человек, безразличный, равнодушный ко всему окружающему’ (*Почему вы его пофигистом называете, ребенку шесть лет!*) (Никитина 2003: 414) и в общем сленге ‘сторонник пофигизма (полное равнодушие, безразличие, апатия)’ (*У нас класс делится на два лагеря – приколисты и пофигисты.*) (Ермакова, Земская, Розина 1999: 161), и в литературном языке ‘тот, кто исполнен пофигизма, культивирует его в себе и других’ (*В моде был абсолютный пофигист – человек, который ни во что не лезет, мало чем интересуется, ничто его не колышет.*) (ТСРЯЯИ, 485).

Балдеть в молодежном сленге употребляется в трех значениях: 1) ‘очень любить кого-л., что-л., увлекаться чем-л. (часто до фанатизма)’ (*Женя, от кого ты балдел лет в 15-16?*), 2) ‘предаваться радости, наслаждению; бездельничать’ (*Хотелось просто радоваться, попугайничать и балдеть.*), 3) ‘принимать наркотики и испытывать их воздействие’ (*Что, балдеете? – Нет, но сейчас начнем. – А баян взяли?*). (Никитина 2003: 31). Переход сленгизма во втором значении в литературный язык происходит без изменения семантики – ‘проводить время в бездействии, праздности’ (ТСРЯ, 34), ‘получать, испытывать удовольствие, наслаждение (от безделья, приятного времяпрепровождения)’ (*Драматический театр поставил «Венецианских близнецов» Карло Гольдони. Это, прямо скажу, потряс! Я балдел, торчал, тащился!*) (ТСРЯЯИ, 71).

Крутой в молодежном сленге может иметь следующие значения: 1) ‘очень сильный (о высшей степени проявления признака)’ (*крутой облом*), 2) ‘отличный, прекрасный, заслуживающий одобрения’ (*Он не бросит свою крутую работу.*), 3) ‘преуспевающий, удачливый, респектабельный (часто связанный с криминальными структурами)’ (*Почему же Коля в школе именуется «крутой»?*), 4) ‘впечатляющий, яркий, оригинальный’ (*крутая герла*), 5) ‘неординарный, переходящий границы нормы в чем-либо’ (*И наконец, самый крутой проект.*) (Никитина 2003: 256). Без изменений семантики в литературный язык сленгизм переходит в значении ‘оставляющий сильное впечатление’ (ТСРЯ, 310), ‘производящий сильное впечатление, неординарный’ (*Хорошо сложенные, симпатичные, здорово танцующие, в крутых куртках и ковбойских сапогах, они нравились, девчонкам, продюсерам и прессе.*) (ТСРЯЯИ, 344). В результате преобразований ЛСВ₂ и ЛСВ₅ соответственно появляются *крутой* ‘о человеке: высшего образца, представляющий стандарт с точки зрения лиц, принадлежащих к определенным социальным группам’ (*крутая арбатская тусовщица*) (Ермакова, Земская, Розина 1999: 86) и *крутой* ‘проявляющий особую жестокость в своих действиях, поведении; демонстрирующий свою физическую силу или большое влияние’ (*Пока крутые мужики в штатском (чином, думаю, не ниже майора) сверяли перед КПП нас по спискам, пала темень.*) (ТСРЯЯИ, 344).

3) Сленгизм переходит в литературный язык, где происходит дальнейшее развитие его семантики, и слово становится многозначным.

В молодежном сленге *тусовочный* обозначает ‘посещающий тусовки, сборища’ (*тусовочный человек*) и ‘предназначенный для тусовок, имеющий отношение к тусовкам, сборищам компаний, групп молодежи’ (*тусовочный прикид*) (Никитина 2003: 546). В литературном языке это слово в результате мены дифференциальных сем приобретает многозначность: ‘характерный для любого неформального общения’ (*тусовочные разговоры*) ‘светский, бывающий на различных, обычно престижных тусовках’ (*Здесь есть цивилизованный подход к явлениям искусства, без тусовочной шелухи и коммерческих лейтмотивов.*),

‘принадлежащий к группе людей, связанных общими интересами, времяпрепровождением’ (*тусовочная среда*) (ТСРЯИ, 641).

Тусовщик в молодежном сленге обозначает ‘человек, активно посещающий тусовки’ (*Везде находятся такие же тусовщики, которые накормят, напоят и впишут, если нужно.*) (Никитина 2003: 546), в литературном языке приобретает еще одно значение – ‘член тусовки’ (*Похудевшими тенями бродили музыканты, художники, тусовщики...*) (ТСРЯИ, 641).

Чайник в молодежном сленге обозначает ‘неопытный в чем-либо человек, новичок в каком-либо деле’ (*Осторожно, за рулем чайник.*) (Никитина 2003: 610), в литературном языке приобретает значения ‘о неумелом малоопытном человеке, плохо знающем свое дело’, ‘о глупом, неумелом человеке’ (ТСРЯ, 877).

Таким образом, развитие русского литературного языка последних пятнадцати лет характеризуется активным и все более расширяющимся взаимодействием общеупотребительной лексики и лексики, находящейся за пределами литературного стандарта (в том числе и лексики молодежного сленга). Результатом этого взаимодействия является пополнение словарного состава разговорного русского языка и обогащение его ресурсов за счет перехода молодежных сленгизмов в общий сленг и далее – в общенародный язык.

Результаты нашего исследования позволяют говорить о том, что, сленгизмы, выходящие за рамки употребления исключительно в молодежной среде и тем самым расширяющие сферу своего функционирования, представлены словами общебытовой ориентации, а также наиболее ходовыми понятиями, круг которых очерчен следующими лексико-семантическими группами: «человек», «алкогольные напитки», «наркотики», «кризисные состояния», «сфера развлечений», «деньги», «одежда», «транспорт».

Основная часть слов молодежного сленга при переходе в литературный язык сохраняет свою семантику, случаи последовательного развития семантики за счет появления у молодежного сленгового слова в литературном языке новых значений и их оттенков представлены в результате мены дифференциальных или обобщения специализированных сем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- БЕРЕГОВСКАЯ, Э. М. (1997): “Молодежный сленг: формирование и функционирование”, *Вопросы языкознания*, 3, С. 32-41.
- ГОРДИЕНКО, В. А. (2006): *Формирование общего сленга в современном русском языке*. Дисс. ... канд. филол. наук, Киев.
- ГРАЧЁВ, М. А. (1997): *Русское аргю*. Издательство Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород.
- ЕВГЕНЬЕВА, А. П. (1981): *Словарь русского языка: В 4 тт.* Русский язык, Москва.
- ЕРМАКОВА, О. П., ЗЕМСКАЯ, Е. А., РОЗИНА, Р. И. (1999): *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*. Азбуковник, Москва.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2004): “Живая речь – язык СМИ – общелитературный язык: аспекты взаимодействия”. В кн.: *Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество*, Издательство Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, Киев, с. 61-65.
- КУДРЯВЦЕВА, Л. А. (2001): “Русское городское просторечие: Киев – 2000”, *Русистика*, 1, с. 4-9.
- НИКИТИНА, Т. Г. (2003): *Словарь молодежного сленга: (Материалы 1980-2000 гг.)*. Норинт, Москва.
- ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (1999): *Толковый словарь русского языка: 4-е изд., доп.* Издательство РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Азбуковник, Москва.
- СКВОРЦОВ, Л. И. (1977): “Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии”. В кн.: *Литературная норма и просторечие*, Наука, Москва, с. 29-57.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (1994): *Новый академический словарь. Проспект*. Издательство Института лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург.
- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (2000): “Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы”, *Исследования по славянским языкам 2001*, 6, Корейская ассоциация славистов, Сеул, с. 177-202.

- СКЛЯРЕВСКАЯ, Г. Н. (1998): *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Издательство Института лингвистических исследований Российской академии наук, Фолио-Пресс, Санкт-Петербург.
- СТЕРНИН, И. А. (2004): *Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX – начала XXI века*. Изд. 4-е, перераб. и дополненное. Воронеж.
- ЮГАНОВ, И., ЮГАНОВА, Ф. (1997): *Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60 – 90-х годов*. Метатекст, Москва.